НИКОЛАЙ ЛОСЬ

САЗАН-САЗАНИЩЕ

Рыболовецкие были

Ох и веселый народ эти рыболовы-любители. Вырвутся субботним вечером на лоно природы, усядутся на песочке, распалят костер и ну «травить» об «умных», «хитрых», «смелых», «коварных» сазанах, щуках, голавлях и других обитателях озерных глубин.

Рассказывают серьезно, с достоинством, по-профессорски. И не дай боже усомниться: обидятся. Но вида не покажут и не уйдут. Да и куда им уйти? Рассказчики в азарте, они сами давно поверили собственной выдумке.

В последнее время в связи с развитием подводной рыбалки появился новый рассказчик: рассказчик-ныряльщик. Ему не нужно догадываться, что происходит под водой. Он все видит собственными глазами, трогает своими руками. Подсядет такой к костру, где в компании нет ныряльщиков и ну «травить». Кругом смех, а он хоть бы хны:

«Ну, какой тут смех, братцы? — говорит.— Поймите вы, пехота, — ведь не через поплавок, а своими глазами, на собственной шкуре испытал. Ох и умный был сомина! Гнался я за ним километра два. Он в кусты — я в кусты, он в яму — я туда же. Догнал бродягу в самом его логове. Тут и сомиха появилась и сомята. Словом, вся семья в сборе. Устал я, разозлился не на шутку, припер сома-папу к стенке, взвел курок подводного ружья, беру его на прицел, а он, черт усатый, виль хвостом, морг сомихе, да как захохочет и давай щекотать меня плавниками. Мама упала со смеху, сомята щиплются. Муть кругом, ничего не видно. Верчусь, как пароходный винт, а вырваться не могу. И тут пнул он меня страшным рылом в зад, и полетел я, как торпеда, к своему берегу, даже ласты потерял...»

Я — не такой. Я только скромный удильщик-поплавочник. Фантастика — не мой жанр. Поведаю вам не сказку, а быль о рыбе красивой, сильной, смелой, о дорогом сердцу рыболова-спортсмена — сазане.

Свела меня судьба с ним на озере Сенгилеевском. Славный, должен сказать, водоем. На сорок два квадратных километра раскинулся. Вода — кристалл: светлая, чистая, вкусная,— кубанская. А водятся в ней, главным образом, красавцы сазаны да знаменитые сенгилеевские караси, равных которым нет! Есть еще рыбец, шемая, подуст, голавли случаются. Да жаль, все меньше и меньше, становится этой рыбки. А почему? Да потому что умудрились «знатоки» пустить в озеро прожору судака. Разведем, мол, судачка, ловить будем, город кормить будем. А вышло что? Судачка-то развели, а взять не могут. За пять лет не поймали ни штуки. Зато за эти же пять лет судак сожрал миллиардное стадо уклеи, съел всю молодь голавля, дожирает шемаю, рыбца, подуста. Истребил судак немало добра, а от самого толку ни на грош. Чешут затылки ученые дяди и тети с кафедры зоологии Ставропольского сельхозинститута и «теоретики» крайпищепрома, да ничего не выскребут. Подбросили нынче в Сенгилей еще сто тысяч штук сеголетка рыбца — жри, милый судачок, не жалко. Ну, судачок и жрет, конечно, — что же ему еще делать, не прыгать же ему самому на прилавки магазинов.

Да, я же обещал про сазана, а повернул про судака. Так вот про умницу сазана. Рыбачил я в заливе, неподалеку от пионерского лагеря. Там мы с дядей Ильей, что из газоразведки, балаган поставили. Сазанятники мы, а он сазан, голубчик, в том месте водится: спасает в

водорослях потомство от живоглота-судака.

Отнерестился, значит, по весне сазан, отыграл свадебку честь по чести и давай шастать по зарослям. Как шуганет на зорьке, аж брызги летят. Мы ему жмышку с глинкой, пшенички парной, ну и, конечно, крючочек с кашей, с червячком подсовываем. А он, ну никак не берет. Хитрый.

А погодка что надо. Ночью тихо, тепло, свежим сеном пахнет, от травки-чобора дух захватывает. Земляничка поспевает. Встанешь — только-только на востоке брезжит, умоешься, а тут и жаворонки с песнями. До чего же хорошо! Как-то раз, часика этак в три, уселся я тихонечно в плоскодонку, осмотрелся, выехал перетягом на приводу. Подбросил немного прикормки, закинул пару поплавочных в отвес, закурил и жду поклевки. А кругом тихо — камышинка не шелохнется. Поплавки упали на воду и замерли. Не клевало.

Но вот что-то шлепнулось раз, другой. Гладкая до того поверхность озера забурлила, закипела. Впереди лодки, то справа, то слева из воды стали выпрыгивать золотые рыбы. Взметнется вверх сазанчик килограмма на три, чавкнет, как лягушка, и бац обратно в воду. Ох и красиво же они забавлялись! Подпрыгнет на полметра, а затем падает как придется — на голову, плашмя, боком, на хвост, на спину. Цирк!

Забыл я обо всем на свете и хватился лишь, когда одно из моих удилищ полетело в воду, увлекаемое лесой. Удилище-то я схватил, а поднять — дудки, не смог — прозевал. Кончик удилища утонул, снасть натянулась, как струна, запела леса, поводок лопнул, удильщик плюхнулся в лодку, а рыбка скрылась.

Пока я охал да ахал, сазаньи забавы кончились.

Минуло три, а может быть, четыре утренника. Погодка на славу, а клевало так себе. Шли на приманку все больше караси, попадались усачики, шемайки и ерши колючие. Сядет такой ершина с ноготок на крючок, выпучит на тебя глазищи, разинет пасть — вот-вот проглотит. Забавлялся я так, забавлялся, да вдруг как клюнет! Поплавок ушел на дно. Подсек — удилище сразу в дугу, а рыба ни с места. Вот те штука, неужто зацеп? Да непохоже: дрожит удилище, пошло, поднялось. Что-то тяжелое повисло на крючке, упорствует, не пускает.

Сазан? Конечно, сазан!

И началось. Он хитрит, я тоже. Стараюсь не дать ему вытянуть напрямую, увлекаю вправо, затем влево. Рывок! Нет, брат, шалишь, не уйдешь. Круг, снова круг, новая попытка рвануть в кусты. А затем все ближе, ближе к лодке и... наконец добыча в подсачке.

Славный сазанчик—кило три с половиной—четыре, не меньше. Эх и позавидует дядя Илья!

Радуюсь удаче. Снимаю сазана с крючка, а у него их в губах три. Один старый, уже поржавевший, пронизал правый угол нижней губы. Второй новый, кованый, номер восемь с половиной с обрывком поводка торчит в левом углу нижней губы. Третий — мой.

Но что это? Ведь кованый, тот, что с обрывом лесы, тоже мой! Я его потерял в знаменитое утро сазаньего боя. Так вот оно что! Не сазан, а — коллекционер крючков.

Сняв смельчака, я сунул его в просторный капроновый садок и опустил за борт лодки. Замерев в садке, мой трофей, видимо, примирился с неизбежностью угодить на сковородку. Первые минуты он вел себя так спокойно, что я забеспокоился: не уснул бы, «разбойник», от перенесенных передряг.

Минут через пять, отдышавшись, сазан осторожно ткнулся рылом в одну, другую, третью ячейку сетки, опустился носом на дно садка, поднялся к горловине. Не найдя выхода, он, вдруг, набирая скорость, пошел по кругу влево, затем вправо. И закружился каруселью. Тело сазана изгибалось в дугу, следом распрямлялось стрелой; иногда плавники у него вытягивались в струнку, как

крылья самолета, и тогда, опираясь хвостом об воду, сазан становился на дыбы.

А я глаз не свожу с акробата, посмеиваюсь над его выкрутасами. Вдруг сазан изловчился, расправил плавники, метнулся вверх, торчком, и вылетел из садка. И тут же — плюх в воду, на какое-то мгновенье замер, затем нырнул под лодку и был таков.

Скажете, жалко?

Что вы! Таких молодцов не жалко. Ай да сазан-сазанище!